Мария Константинова

От феноменологии ветхости к заговору геронтологов

Рецензия на книгу: Лишаев С. А. Старое и ветхое: опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя, 2010.

> Чашечность чаши осуществляется в подношении налитого в нее. Пустая чаша тоже получает свое существо от этого подношения, хотя пустую чашу не поднесешь. Но эта невозможность поднести свойственна чаше и только чаше. Коса или молоток, напротив, неспособны к невозможности такого поднесения.
>
> *М. Хайдеггер «Вещь»*

За два последних десятилетия отечественные ученые написали около сотни работ, посвященных феномену старения. На их фоне монография профессора С. А. Лишаева выделяется масштабностью замысла. Автор ставит перед собой задачу философского осмысления старости как феномена, не являющегося исключительно и уникально человеческим. «Старое и ветхое: опыт философского истолкования» — попытка найти общий знаменатель (и общую форму выражения) старения как того, что объединяет человека с окружающей его материальной средой. Ветхие вещи и старые люди — таков фокус философского исследования С. А. Лишаева.

Стоит отметить, что для социолога в подобном поиске, вероятно, нет ничего нового. Социология вещей прочно заняла свое место в системе субдисциплинарных областей [Латур, 2007; Ло, 2006], и популяризированный ею «тезис генерализованной симметрии» — требование рассматривать человеческие и нечеловеческие акторы в единой системе координат [Латур, 2014; Callon, 1986] — уже стало,

Konstantinova Maria — Far Eastern Federal University, PhD student. Independent researcher. Academic interests: phenomenology, ontological turn in social theory, sociology of everyday life. Email: constamare@gmail.com

если не общим местом, то как минимум «местом для дискуссий» [Вахштайн, 2006]. Более того, идеи социологии вещей даже были импортированы в отечественную геронтологию [Елютина, 2009]. И, тем не менее, значимого философского осмысления феномена симметричного старения людей и вещей до сих пор предложено не было. Насколько это удалось автору рецензируемой монографии?

С. А. Лишаев начинает с того, что выделяет предмет исследования в особую категорию; его интересует не старение как процесс и не изнашивание как приобретение вещами особой «культурной биографии» [Копытофф, 2006] — его интересует *ветхость*. Ветхое — это одна из форм существования Иного в повседневном мире. Быть ветхим — значит, быть иным. «Ветхое не есть старое, хотя старое может быть ветхим» [Лишаев, 2010, с. 17]. Аналогичным образом ветхое — не ущербное (хотя ущербное может быть ветхим). Самое точное выражение идеи ветхости — «пришедшее в негодность от долгого употребления» [с. 19]. Отсюда, собственно, это стремление к генерализованной симметрии, заложенное в самой семантике категории ветхости: «...ветхое в каком-то отношении покрывает собой все пространственно расположенное: органическое и неорганическое, природное и созданное человеком» [с. 20–21].

Вопрос, который (на хайдеггеровском теоретическом языке) автор задает о странной привлекательности ветхих вещей, о том «влечении к ветхости», которые они вызывают, удивительно перекликается с коротким эссе Георга Зиммеля о природе руины [Зиммель, 1996]. Но, по Зиммелю, руина привлекательна своим причудливым онтологическим балансом, в ней приходят в равновесие силы природы и силы человека, примиренные временем. Ветхие же вещи, по Лишаеву, напротив, разбалансированы — в них не может быть никакого примирения прошлого и настоящего; они безвозвратно и необратимо смещены в прошлое: «Тяга к ветхому есть тяга к вещам, которые вещают о том, что они ветшают... Временность обнаруживает себя в ветхости как судьба сущего» [с. 21–22]. Отсюда, собственно, и выводится идея притягательности ветхого. Ведь именно ветшая, вещи обнаруживают свою по-хайдеггеровски грубую и зримую вещность. (В этом отличие вещи от предмета. Как справедливо отмечает Лишаев, «вещи ветшают, предметы — нет»). Тяга к ветхим вещам порождена феноменом «...захваченности ветхим, разрушающим границу и, следовательно, дистанцию между мной и миром» [с. 45].

По мере чтения первых двух частей книги складывается ощущение, что автором движут два основных мотива. Первый — это стремление максимально полно выразить интенцию ветхости как особого типа инаковости. В своем экзистенциально-феноменологическом поиске Лишаев постоянно обращается к классикам русской лите-

ратуры (отдельный большой фрагмент посвящен анализу отрывка из романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»). Второй мотив — это стремление пойти дальше Хайдеггера, стать больше Хайдеггером, чем сам Хайдеггер. Обязанный хайдеггеровской феноменологической онтологии самим modus vivendi своего исследования, автор, тем не менее, не устает подчеркивать собственную философскую инаковость. Иногда это бегство от Хайдеггера принимает курьезный вид — Лишаев ссылается на Хайдеггера преимущественно в негативном ключе. Даже тогда, когда пользуется его терминологическим аппаратом: «... отметим, что „присутствие“ мы понимаем шире хайдеггеровского Dasein, имея в виду возможность присутствовать для любой вещи, а не только для человека» [с. 99].

Первые две части книги схватывают очень важную для социолога интенцию: *ветхое значимо для исследования повседневной социальности именно тем, что разрывает ее непроблематичность.* Внимание к ветхим вещам обнаруживает ту самую хайдеггеровскую «прореху бытия», разрыв повседневного существования в состоянии Das Man. В. С. Вахштайн иллюстрирует «эффект переживания иного» так: «В переходе метро вы слышите музыку, которая на какой-то момент изменяет ваше отношение к реальности. Вы как бы приподнимаетесь над ситуацией, то, что до этой секунды казалось навязчиво присутствующим (шум поездов, сутолока, гомон разговоров идущих рядом людей), отступает на второй план, становится менее заметным. Сам ход времени изменяется и подчиняется теперь течению мелодии — вы убыстряете или замедляете шаг. Все, что волновало вас до этой секунды, кажется малозначимым, теперь совсем другие предметы обращают на себя ваше внимание. Когда мелодия заканчивается или вы удаляетесь от нее настолько, что больше не можете распознать, повседневность „возвращается“, обрушиваясь звуками, прикосновениями, запахами, которые до того были вытесненными *переживанием Иного*» [Вахштайн, 2007]. Еще дальше идет немецкий феноменолог и исследователь повседневности Бернхард Вальденфельс: «Часто неизвестное является нам в соединении внезапного и могущественного. В первую очередь это относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения индивидуального и коллективного жизненного порядка, а точнее, к рождению, периоду половой зрелости, к полетам воображения, к болезни и смерти, а также к закладке города, к войнам и революциям, к возникновению Вселенной и природным катастрофам, и часто встречающимся сегодня крупным авариям» [Вальденфельс, 1991]. Критикуя Вальденфельса, Вахштайн противопоставляет его одержимости абсолютными событиями, «прожигающими» ткань повседневной жизни, «события остранения», встроенные в повседневность, но не принадлежащие ей — ветхое

не содержит в себе опасности уничтожения жизненного порядка, но недвусмысленно намекает на его конечность [Вахштайн, 2011]. Ветхая вещь, как воплощение Иного в повседневности, феноменологически ближе к музыке в метро, чем к техногенной катастрофе. Присвоение ветхого, возвращение его в повседневный обиход, включение в тот или иной практический порядок — яркий пример возвратного «оповседневливания» того, что выпало из повседневности из-за долгого употребления.

Отметим еще один важный аспект той работы по осмыслению ветхости, которую проделывает профессор Лишаев. В его модели описания ветхие вещи — это *говорящие вещи*. Данный эффект хорошо описан в теории интеробъективности Б. Латура. Материальные объекты, составляющие инфраструктуру нашей повседневной коммуникации, связаны между собой отношениями делегированной агентности [Латур, 2007]. Если мы попытаемся проследить паутину, связывающую все окружающие нас объекты с другими (не присутствующими здесь и сейчас) вещами, местами и моментами времени, мы получим, говорит Латур, не карту, а запутанную сеть отношений. Соответственно объекты различаются по тому, насколько далеко простирается связывающая их сеть отношений. Ветхие вещи занимают в латуровской сети отношений привилегированное положение: во-первых, благодаря своей истории они связывают нас с куда более удаленными в пространстве и времени событиями; во-вторых, они уже выпали из повседневного порядка практического обращения, обнаружив в себе способность сопротивляться их присвоению нами. Именно эта возможность *возражать* (to object), по Латуру, и делает вещь в полном смысле слова объектом, обладающим самосуществованием [Латур, 2014].

Впрочем, для С. А. Лишаева (в отличие от Б. Латура и Б. Вальденфельса) ценностью обладает прямо противоположное — способность ветхих вещей включаться в темпоральный жизненный порядок: «Время, оставляющее на вещи свои следы, очеловечивает ее уже тем, что включает во временной ряд: мы видим, что неодушевленные вещи подчиняются тому же закону старения, которому подвластны все смертные. Старое и ветхое воспринимается как разделяющее с человеком его судьбу, — пишет Лишаев, анализируя (в духе В. Беньямина) ауру старой фотографии. — Время борется с обезличенностью старого снимка (стандартный формат фотобумаги, фабричный глянец, приятная матовость поверхности) и мало-помалу разрушает порождаемую безликостью серийного продукта атмосферу эмоциональной отчужденности... В трещинах и потертостях, в многочисленных изъянах изображения старого снимка мы читаем то, что сближает созерцателя и созерцаемое: через какое-то время обветшавший картон не сможет нести на себе явленный в нем

образ, так же как когда-нибудь и наше обветшавшее, усталое тело перестанет (вы)носить нас самих» [с. 137].

После этого перехода от «вещности вещи» к «вещности человеческого тела» самое время двинуться дальше: к ветхим телам, к старости, к человеческому измерению «негодности от долгого употребления». И именно это пытается сделать автор в третьей части книги, которая характерно называется «Молот старости». Но что-то идет не так. Перехода не получается. Глубокий феноменологический анализ сменяется вдруг старческим брюзжанием: «Старость в наши дни уже не ассоциируется ни с властью и богатством, ни со славой и мудростью... Старческие седины не вызывают уважения» [с. 153].

Между второй и третьей частью книги автора как будто подменили. Он начинает сыпать банальностями, требовать уважения к глубокой старости, обличать «горизонтального человека» и общество потребления. Далее С. А. Лишаев обрушивается на геронтофобию, которой «пронизана современная культура». На место экзистенциально-феноменологических очерков и философских истолкований феномена ветхости приходит новая задача: «... мы бы хотели сосредоточить внимание на положительных типах старческого этоса (нравственного характера старого человека)» [с. 172]. Читать рассуждения о старческом этосе, пропитанные обывательским мироощущением и страхом собственного старения, становится решительно невозможно: «В этом эссе мы поддерживаем линию на философскую апологию старости и пытаемся ответить на вопрос: есть ли в самой старости то, за что ее можно уважать (любить), что позволяет ее принять, а не просто смириться с ней» [с. 173]. За геронтофобию поплатилась даже геронтология: «Современное общество и геронтологическая наука сориентированы как раз на то, чтобы пожилой человек до последних лет и даже дней своей жизни был погружен в „дела и заботы“, занимавшие его в годы молодости и зрелости... Современная геронтология (и, добавлю, социология, психология) склоняет стариков — в этом самом важном для них вопросе — к обману и самообману» [с. 176].

Картина мира, навязанная (видимо, вселенским заговором геронтологов) пожилым людям, в описаниях С. А. Лишаева чем-то напоминает марксистскую теорию ложного сознания. Есть подлинное самосознание пожилых — органично присущее их возрасту, связанное с телесной ветхостью и экзистенциальным переживанием близости смерти — и ложное, навязанное извне поколением-гегемоном. Смысл заявленной «философской апологии» состоит в том, чтобы помочь старикам (Лишаев старается не использовать термин «пожилые» — это было бы уступкой ложному геронтологическому дискурсу) из возраста-в-себе стать возрастом-для-себя. На последних десяти страницах книги автор вдруг вспоминает, что книга не про заговор

геронтологов, а про феномен ветхости, и пытается связать последнюю часть с первыми двумя. Но теперь уже его заявления о ветхости как «подлинном модусе» старости выглядят крайне неубедительно.

Провал задуманного автором исследования ветхости вовсе не означает, что книгу не следует читать. Ровным счетом наоборот. С. А. Лишаев обозначил горизонт задачи, которая требует решения — осмысление симметричности ветшания людей и вещей. Более того, он сумел сделать несколько существенных шагов в этом направлении. Благодаря его усилиям сама идея ветхости заиграла новыми хайдеггеровскими и зиммелевскими красками. Но амбициозный замысел разбился о проблему старости, которую не удастся решить без детального (такого же детального, как был продемонстрирован в первой части книги) анализа *феноменологии ветхого тела*. Следующий шаг за теми, кто сможет предложить такой способ мышления о старом и ветхом, который бы сумел органично соединить геронтологическую проблематику стареющего тела с вопросами специфической онтологии ветхих вещей.

Библиография

Вальденфельс Б. (1991) Повседневность как плавильный тигль рациональности. пер. с нем. М. В. Воронцова. СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова (ред.) *Общество и сферы смысла*, М.: Прогресс.

Вахштайн В. С. (2006) Джон Ло: социология между семиотикой и топологией. *Социологическое обозрение*, 5 (1) (http://sociologica.hse.ru/2006-5-1/27 479 746.html).

Вахштайн В. С. (2011) На краю привычного мира: события и их фреймы. *Социологическое обозрение*, 10 (3) (http://sociologica.hse.ru/data/2012/01/26/1 264 399 844/10_3_06.pdf).

Вахштайн В. С. (2007) Событийное строение повседневного мира. Исследование обыденного жеста. *Социологический журнал*, (3).

(http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_2007/01_Vakhshtayn. pdf).

Елютина М. Э. (2009) Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни. *Социологические исследования*, (7).

Зиммель Г. (1996) Руина. Избр. соч. *Созерцание жизни*. Т. 2, М.: Юрист.

Копытофф И. (2006) *Культурная биография вещей: товаризация как процесс. Социология вещей*, М.: Территория будущего.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. В. Вахштайн (ред.) *Социологическое обозрение*, 6 (2) (http://sociologica.hse.ru/2007-6-2/27 708 344.html).

Латур Б. (2014) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*, М.: ГУ ВШЭ.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. пер. с англ. В. Вахштайна. *Социологическое обозрение*, (1) (http://sociologica.hse.ru/2006-5-1/27 479 794.html).

Callon M. Some elements of sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St. Brieux Bay. J. Law (ed.). *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Pol, 1986.

References

Callon M. (1986) Some elements of sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay. J. Law (ed.) *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Pol.

Eljutina M. Je. (2009) Pozhilye ljudi i starye veshhi v povsednevnoj zhizni [Elderly people and old things in everyday life]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological research], (7).

Kopytoff I. (2006) Kul'turnaja biografija veshhej: tovarizacija kak process [Cultural biography of things: commodification as process]. Sociologija veshhej [Sociology of things]. M.: Territorija budushhego.

Latour B. (2007) Ob interob'ektivnosti [On interobjectivity]. Per. s angl. A. Smirnov, pod red. V. Vakhshtayn. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], 6 (2): http://sociologica.hse.ru/2007-6-2/27708 344.html

Latour B. (2014) Peresborka social'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuju teoriju. [Reassembling the Social. Introduction into Actor-Network Theory] M.: GU-VShJe.

Law J. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. Per. s angl. V. Vakhshtayn. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], (1): http://sociologica.hse.ru/2006-5-1/27479 794.html

Simmel G. (1996) Ruina [Ruin]. Izbrannoe. Sozercanie zhizni. T. 2. M.: Jurist.

Vahshtajn V. S. (2007) Sobytijnoe stroenie povsednevnogo mira. Issledovanie obydennogo zhesta [Event-trigger construction of everyday world. Study of one ordinary gesture]. Sociologicheskij zhurnal [Journal of Sociology], (3): http://www.isras.ru/files /File/Sociologymagazin/Socmag_03_2007/01_Vakhshtayn. pdf

Vakhshtayn V. S. (2006) Dzhon Lo: sociologija mezhdu semiotikoj i topologiej [John Law: sociology between semiotics and topology]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], 5 (1): http://sociologica.hse.ru/2006-5-1/27479 746.html

Vakhshtayn V. S. (2011) Na kraju privychnogo mira: sobytija i ih frejmy [On the edge of habitual world: events and their frames]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], 10 (3): http://sociologica.hse.ru/data/2012/01/26/1264399 844/10_3_06.pdf

Waldenfels B. (1991) Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti [Everyday life as a melting pot of rationality]. SOCIO-LOGOS. Per. s nem. M. V. Voroncova pod red. V. V. Vinokurova i A. F. Filippova. M.: Progress.